

ВЕЩИЙ СОН ПОД РОЖДЕСТВО

События, о которых я хочу рассказать, происходили давно и как раз под Рождество. На льду речушки у Средней Рогатки полиция нашла убитого и ограбленного, в одном белье, мужчину. Голова у него была проломлена, на шее затянута веревка, к концу ее привязан черенок от деревянной ложки.

Я подъехал в одно время с властями. Осмотрев труп, я подумал, что убивали в другом месте, а сюда его приволокли, для того и черенок пристроили — легче тащить. А следов нет, снегом запырило.

Вначале никто из местных не мог опознать убитого, только вдруг бежит женщина, красивая, лет сорока пяти, беременная. Подбежала, увидела труп, всплеснула руками и заголосила:

— Сын мой, сыночек! Колюшка мой родной!

Я к ней.

— Позвольте узнать, кто вы будете?

— Я Анна Степанова, а это сын мой Николай.

Говорит так бойко, ясно, а сама трясется.

— А кто вы такая?

Она объяснила, что живет в полчаса ходьбы от этого места и имеет маленькую сапожную мастерскую.

— Пойдем, — говорю, — к вам, пока его уберут да доктор осмотрит.

Пошли. Она плачет, убивается, а я ее утешаю. Приходим. Домик такой чистенький, две комнатки и большая мастерская, а при ней кухня. Вошли мы в комнату, я снял шубу, сел и повел с ней беседу.

— Как звать вас? — спрашиваю.

— Анна Тимофеевна.

— Что же, Анна Тимофеевна, любили вы сына вашего?

Она опять залилась слезами.

— Господи, — говорит, — как же не любить-то! Один он у меня. Покойник умирал, только о нем думал...

— Так вы вдова? — спрашиваю и на ее фигуру смотрю.

Она смутилась.

— Вдова. Восьмой год.

Я сделал вид, что ничего не заметил, и дальше про сына спрашиваю, любил ли он ее, путался ли с кем, пил ли.

— Смирный был, непьющий, почтительный. На Путиловском заводе работал и жил там, комнатку имел. По субботам прямо ко мне, и все воскресенье у меня. А в понедельник поднимется в пять часов — и на завод. И теперь шел, голубчик, да не дошел!.. — и снова плачет.

— А получал много?

— Какое! Восемь гривен в день.

— Как же так? Сына любите, достаток у вас, видимо, есть, а он за восемьдесят копеек работал?

— А вот подите! Такой почтительный. Покойник мне заведение оставил и деньгами двадцать тысяч. Я говорю ему: «Куплю тебе домик, землю, женись и мать утешай». Нет! «Не хочу вам в тягость быть». Так и уперся.

Рассказала, во что сын был одет. Пальто с воротником, шапка, сапоги, брюки, жилет, часы и пиджак теплый, нанковый. Сама ему шила. В этом пиджаке она по его указанию внутренний карман с левой стороны на правую перешила, да за неделю до его смерти

новую пуговицу пришла. Таких-то уже не было, так она большую приспособила.

Все расспросил я, а под конец говорю ей прямо:

— А теперь назовите и покажите мне вашего любовника!

Она так и зарделась. Молчит.

— Вы, — говорю, — мне уж все по совести, как на духу.

— Василий Калистратов, у меня в подмастерьях.

— А повидать его можно?

— Можно. Он дома, надо полагать. Вася! Василий! — позвала она в дверь.

— Сейчас, Анна Тимофеевна, — голос такой приятный, откровенный.

Через минуту вошел. Рослый, красивый, лицо открытое. Я поглядел на него, и он мне сразу понравился. Заметил только, что он очень бледен. Поговорили по пустякам, и я уехал.

Дело мне показалось неважным, и я поручил его своему помощнику.

— Знаете, — говорит он, — Иван Дмитриевич, убийца — Калистратов! Все укладывается так. Он любовник, у нее деньги и прочее, сын — наследник, да еще она его любит. Убрать сына, и этот Васька — хозяин. Надо разузнать, где он был в эти часы.

Я и сам думал так же, только сердце не соглашалось. Так-то так, а не похож он на убийцу.

Я велел собрать сведения об убитом.

Ушел Николай Степанов с завода двадцать четвертого декабря в шесть часов. Ходу ему до дому не больше часа, а до этой речонки — с полчаса. Значит, убийство совершилось между шестью и семью часами.

Стал узнавать, где этот Василий был.

Ходил в Шереметьевку, и именно в эти часы. Путь его лежал именно через это место. Когда он вернулся, хозяйка очень беспокоилась о сыне, а он спокойно так сказал:

— Ничего ему не сделается, придет!

Все складывалось против Калистратова, но я велел Теплому вида не подавать и только следить за подозреваемым.

* * *

Надо вам сказать, что было у меня обыкновение: возле того места, где преступление совершилось, в народе толкаться да прислушиваться. Иногда пустое слово на след наводит. Так и тут. Хожу я, брожу, со всеми говорю, иных допрашиваю. И наткнулся тут на железнодорожную сторожку, что у Средней Рогатки.

Сторожей было два. Один черный, а другой рыжий. Черный — человек как человек, а рыжий мне сразу не понравился.

Я его на допрос. Начинаю расспрашивать, где он был в эти часы, не слышал ли криков, не видал ли чего подозрительного, когда именно поезда проходят, много ли работы у него, знал ли он этого Степанова, в чем одет был?

Отвечает он мне и все время сбивается. То говорит, что на пути был и ничего не видел, то утверждает, что в сторожке сидел. Потом уверяет, что путь осматривал, а то вдруг вспоминает, что с приятелем, другим сторожем, сидел. Пугается, а как ему скажешь, он запрется.

— Я этого не говорил...

— Как не говорил? Ведь записано.

— Не могу знать. Я — человек темный, грамоте не учен, а говорить того не говорил.

Сделал у него обыск — ничего подозрительного, но чувствую я, всем естественным чувствую, что связан он с этим делом. То ли пособлял, то ли сам сработал.

Позвал Теплова и говорю: так и так, рыжий этот — преступник, и его надо арестовать. А Теплов умоляет, чтобы я Василия арестовал.

— Никуда от нас не уйдет Василий, — говорю я, — надо за рыжего взяться.

— Нет, Иван Дмитриевич, — отвечает он, — рыжего вы тоже можете арестовать, а Василия — уж для меня, пожалуйста.

Ну, мне что же — арестовал.

Василий побледнел как полотно.

— Если, — говорит, — насчет убийства, то Богом клянусь, не повинен!

Анна Тимофеевна плачет, рекой разливается. Жалко мне их, а забрал, но забрал и рыжего.

* * *

Прошел, наверное, день, как я арестовал их обоих, и вдруг приходит ко мне сама мать убитого, Анна Степанова.

— Здравствуйте, я к вам!

— Здравствуйте, — отвечаю. — С чем пришли? Новости есть?

— Не знаю, как и сказать вам, — начала она, садясь возле стола. — Теперь вот, как я одна осталась да все думаю про горе свое, так мне многое припомнилось, о чем раньше и невдомек было. Соседка моя, Агафоновна, говорит: «Иди да иди», — я и пошла. А теперь думаю, может, глупости все это.

— Никаких, — говорю я ей, — глупостей быть не может, потому что иногда самый пустяк вдруг все дело проясняет. Пожалуйста, рассказывайте.

Она начала рассказывать. Поначалу тихо, спокойно, а потом очень разволновалась.

— Был у сына моего сон, — сказала она, — тогда-то был пустой, а теперь выходит, что был он от Господа ангелом-хранителем ему внушен. Говорила я вам раньше, что он завсегда в праздники у меня ночевал, а утром в пять часов вставал и на завод шел?

Я кивнул, а сам, пока она говорила, приказал, чтобы рыжего привели. Хотел его еще порасспросить кое о чем.

А она продолжает:

— Ну вот, был он у меня, голубчик, в последнее воскресенье. Он спал завсегда подле меня, в чуланчике. Сплю я это и вдруг слышу страшный крик. Я вскочила, зажгла огонь и пошла к сыну. А он, голубчик, сидит на постели, бледный, как наволочка у подушки, весь в поту и трясется. «Колюшка, говорю, — что с тобой?!» — «Страшное, — говорит, — маменька, привиделось. Будто пошел я от вас на завод, и на меня подле самого железнодорожного полотна пять человек напали и бить стали. Вот до сих пор дрожу». Перекрестила я его и говорю: «Сон сном, а только ты, сыночек, не ходи сегодня по своей дороге, а пойдешь по другой». Он так больше и не заснул, а в пять часов ушел.

— И все? — спрашиваю я.

— Нет, дальше еще страшнее и изумительнее, батюшка. Весь день мне было страшно за Колюшку. Я даже Василию об этом говорила. Потом легла спать и вдруг тоже сон вижу. Будто темная ночь, и снег крутит. Пусто кругом так. Сторожка стоит, а вокруг ни души. Гляжу, идет мой Коля и так-то торопится, и вдруг как выбегут пять человек, таких страшных, и с ними один рыжий, высокий. Замерла я от страха,

хочу крикнуть, а они уже на него напали и душат его... Я побежала к нему, кричу, зову на помощь...

Тут меня Василий разбудил. Проснулась я сама не своя, дрожу вся. На следующий же день к сыну пошла. Он здоровый, веселый. «К празднику, говорит, — ждите...» Я и ушла.

Она перевела дух, вытерла вспотевшее лицо и опять начала рассказывать.

— Жду я его в тот-то день, двадцать четвертого, кофей сварила, а он не идет. Василий ушедши, ребята тоже, и так-то жутко, и все о Николаше беспокойство. Ждала, ждала и все думала, что это он запоздал... Вдруг...

Тут она побледнела и почти шепотом заговорила:

— Как что-то загремит, загукает мимо окон. Словно бы пожарные пронеслись. Дом так весь и затрясся. Я обмерла. С нами крестная сила!

Сижу ни жива ни мертва и не знаю, как Василия дождалась. Он пришел, я ему говорю, а он усмехается.

Был мне праздник не в праздник, и тоскую я, и боюсь, и сама не своя спать легла. Сплю, и опять сон. Пришел ко мне будто тот рыжий, что с другими четырьмя тогда привиделся, две капли он. Пришел и со смехом говорит: «Ну, покончили мы твое сына, приказал тебе долго жить!» Я закричала и проснулась.

В то время, как она рассказывала, привели ко мне рыжего. Она к двери боком сидела, а он у порога стоял. Кончила она говорить, повернула голову, да вдруг как закричит! У меня даже волосы дыбом.

— Он! Тот самый рыжий, что я во сне видела!

Я тотчас велел его увести и стал ее успокаивать. Она все трясется и все твердит — он да он!

* * *

Позвал я опять Теплова и рассказываю все, а тот только улыбнулся.

— Эх, — говорит, — самое обыкновенное дело. Не видите вы, что баба пришла просто следы замести? Сына уже нет, его не вернуть, а любовник жив и в беде. Вот она его по-своему и выручает.

Повозился я еще месяц с рыжим сторожем и Василием и за недостатком улик отпустил их, а дело следствием прекратил.

После этого прошло так месяца два, а то и три.

И вдруг... Из пересыльной тюрьмы, подпилив решетку, через окно сбежали четверо арестантов.

На другой день получаем из Петергофа телеграмму, что задержаны четыре молодца, сказываются бродягами, но головы бриты, и, надо думать, они и есть те беглые арестанты.

Написали мы, чтобы их доставили к нам, и вдруг меня мысль осенила: нет ли кого из них в нанковом пиджаке на вате, а если есть, то какой пиджак, какая подкладка и пуговицы? Сел, написал это и велел тотчас ответить подробно.

Через день пришел ответ, и в нем как по заказу:

«На одном был пиджак из нанки, на вате. Подкладка шерстяная, черная, в белых полосках, на левой стороне будто след от споротого кармана. Пуговиц по пять с каждого борта, роговые, темные, а одна, справа, верхняя, в сравнении с другими гораздо больше».

Вот они! Вот и убийцы!

И сейчас же мне припомнился сон. Во сне Степанова видела пятерых, а тут четыре разбойника. Кто же пятый? А пятый — сторож рыжий!

Пригласил я Теплова.

— Убийцы Степанова открыты!

— Кто?

— А вот кто! Извольте рыжего снова арестовать и потом, как тех привезут, очную ставку сделать.

Теплов тотчас арестовал рыжего и привел его ко мне. Едва я увидел его, говорю:

— Теперь сознавайся, братец, потому как сюда везут твоих четверых приятелей!

— Каких приятелей?

— А беглых из тюрьмы, которые у тебя гостили!

Это я уже от себя сказал.

Дрогнул он и говорит:

— Точно, есть и моя вина! Только я не убивал...

— А что делал?

Тут он все и рассказал.

* * *

Дело так вышло.

Сидел он у себя в сторожке, сапоги чинил. Вдруг дверь распахнулась, ввалились четыре арестанта в серых куртках и прямо на него. Давай им есть, пить, деньги и одежду на всех.

Он перепугался до смерти и отдал им все, что мог.

Съели они весь хлеб, кашу, квас выпили. Взяли всю его одежонку, старую и новую, а на четверых всего этого мало. Наряжаются они, а один выглянул в окно и говорит:

— Вон добрый человек идет, он нам поможет.

А это несчастный Степанов.

Тут дело темное. Рыжий говорит, что он не помогал им, а надо думать, помогал.

Взяли из сторожки молоток, которым рельсы пробуют, и вышли на дорогу. Степанов увидел их и побегал. Они нагнали его, повалили...

Все, как во сне! Убили ударом молотка, а потом бросили и хотели идти.

Рыжий перепугался. Разбойники уйдут, труп оставят, а его затаскают, а то и засудят. «Помогите уволочь его!» Они согласились. Нашел рыжий веревку, затащил ее на шею убитого, привязал черенок от ложки, чтобы ловчее тащить было, и они потащили труп к речке. Трое волокли, а двое следы заметали.

Труп бросили. Беглые пошли дальше, а рыжий вернулся в сторожку и на полу всю кровь выскоблил, а снег, что пошел вскорости, все следы запорошил.

Так и погиб Николай Степанов, увидевший вместе с матерью свою смерть во сне накануне Рождества.

ШАЙКА РАЗБОЙНИКОВ-ДУШИТЕЛЕЙ

Это была хорошо организованная шайка. Члены шайки — наглые, энергичные, смелые. Одно время они навели на Петербург панику.

Операции их начались в 1855 году. В конце этого года на Волховской дороге был найден труп мужчины, задушенного веревочной петлей. Расследование установило, что это был крестьянин Семизоров из села Кузьминского, что он ехал домой, был по дороге кем-то удушен, после чего у него взяли лошадь, телегу и деньги.

Следом за ним на той же Волховской дороге был удушен крестьянин деревни Коколовой Иван Кокко, причем у него взяты были лошадь с санями.

Затем страшные преступники как будто переселились в Кронштадт, и там также были убиты удушением веревочной петлей и ограблены друг за другом крестьянин Ковин и жена квартирмейстера Аксинья Капитонова.

Потом убийство удушением Михеля Корвонена и легкового извозчика Федора Иванова, оба раза с ограблением и уже снова в Петербурге, на погорелых местах Измайловского полка.

Следом за извозчиком Ивановым близ Скотопригонного двора был найден труп также удушенного и ограбленного извозчика.

Как сейчас помню панику, охватившую жителей столицы, а особенно извозчиков.

Нас же угнетало чувство бессилия. Я был тогда еще маленьким человеком, помощником надзирателя при Нарвской части, но начальство уже отличало меня.